

Ф.В. ПЕКАРСКИЙ

ПРЕЛОМЛЕНИЕ ИДЕИ "СВЕРХЧЕЛОВЕКА" В ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ФУТУРИЗМА

Понятие "сверхчеловек" имеет глубокие корни в европейской культурной традиции. К наиболее ранним из них можно отнести архаические мистерии, сакрализовавшие в акте инициации духовную сущность посвященного, а также античные мифы о "героях", сочетавших в себе божественную и человеческую природу и в силу этого обладавших сверхчеловеческими способностями и качествами.

Важную роль в становлении этого понятия сыграл и этический идеал стоиков — идеализированный образ мудреца, чуждого любых человеческих слабостей и персонифицировавшего всевозможные совершенства. Христианская ортодоксия также признавала за аскетом возможность стать "сверхчеловеком", т.е. придти через истовость веры и смирение к богоподобию.

"Сверхчеловек", таким образом, понимался как человек, превзошедший физические и духовные возможности человеческой природы и потому являющий собою особое, высшее существо, субъект истинного знания и морали, — шаг на пути к Абсолюту.

Начиная с XVI в. семантика понятия "сверхчеловек" дифференцируется. С одной стороны, может быть зафиксирован связанный с известными тенденциями политической жизни Ренессанса вектор интерпретации "сверхчеловека" как государственного деятеля, чьи полномочия не знают ограничений ни извне (со стороны правовых норм), ни изнутри (со стороны сознания, отягощенного моральными догмами). Классическими примерами философских произведений этого направления являются "Тамерлан Великий" К.Марло и "Государь" Н.Макиавелли.

Становление и развитие естествознания обусловило второй вектор в трактовке "сверхчеловека", который теперь представлялся субъектом, которому открыты не только все тайны природы, но и пути преодоления ее извечных законов (сверхестественные возможности "философского камня", взаимопревращения элементов природы в алхимии и т.п.). Классическим героем такого типа является гётевский Фауст.

Едва ли можно говорить о том, что в эпоху Возрождения оформляется вектор интерпретации "сверхчеловека" как гениального творца-художника: такое утверждение было бы неправомерной модернизацией. Вместе с тем нельзя не отметить, что утверждавшееся тогда понимание художественного творчества как "боговдохновенного" процесса не могло не задать культуре соответствующей интенции. Последняя фундаментально развивается позднее романтизмом, эстетическая концепция которого была центрирована вокруг понятия "гений", несовместимого со стандартами человеческого бытия. Именно эта традиция явилась той ветвью, на которой и вызрела идея "сверхчеловека" в европейской культуре, получившая классическое выражение в творчестве Ф.Ницше.

Целью данной статьи является анализ содержательного влияния ницшеанства на философские основы концепции футуризма.

Возникнув почти одновременно (в 10-х годах нашего столетия), итальянский и русский футуризм избрали стержневой темой своего творчества будущее, но

по-разному подходили к проблеме его осмысления. Представители первого рьяно следовали ницшеанскому лозунгу: "Разбейте, разбейте, вы, познающие, старые скрижали!"¹ Созвучна этому позиция итальянского футуризма, четко выраженная его идеологом Ф.Т.Маринетти: "Кульť прошлого и артистический меркантилизм: вот две страшные холеры, которые свирепствуют среди нас. Мы презираем — как гигиену и систему боя — все формы повиновения, послушание, подражания, застарелые вкусы и всякую благоразумную медлительность. Мы ратуем против большинства, развращенного властью, и плюем на ходячее и традиционное мнение. Наша поэзия абсолютно вне всяких пут, свободна и самопроизвольна, как огонь вулкана. Нужно, нужно, поймите, убрать рельсы стихов, взорвать мосты *Уже сказанного*, и пустить локомотивы вдохновения по неизведанным степям *Нового!*"²

Ф.Ницше пытался пересмотреть устоявшееся положение метафизики относительно единого, истинного "бытия". На его место немецкий философ ставит "жизнь" как вечное движение, становление, перманентное течение, лишенное атрибутов, приписываемых "бытию". Процесс становления, согласно Ф.Ницше, лишен цели, единства, его нельзя оценивать через категории "добро" и "зло", либо "истина" и "ложь". "Жизнь" проявляет свою самость через всевозможные модификации "воли к власти" на уровне как физической, так и духовной реальности; она — и само бытие в его динамичности, и страсть, и движущая социумом энергия... Она "всегда должна преодолевать самое себя"³.

Ф.Т.Маринетти, убежденный в том, что именно поэт-художник должен быть властителем мира, пытается ввести в ткань своей поэтической речи энергию вселенского вещества, тем самым устраняя по возможности из творчества довлеющее Я автора, и таким образом "проникнуть в сущность материи". Уничтожая Я в литературе, необходимо, по его мнению, заменить психологию человека "лирическим наваждением материи", сущность которой составляют "мужество, воля и абсолютная сила"⁴. Но это еще не все. "Я хочу, кроме того, — уточняет свою позицию футурист, — выразить окружающее нас бесконечно малое, неуловимое, невидимое, движение атомов, броуновское движение, все волнующие гипотезы и все исследованное в области ультрамикроскопии. Объяснюсь: не научно, а интуитивно хочу я ввести в поэзию эту неизмеримо малую молекулярную жизнь. Этот неисследованный мир смешается с произведениями искусства, со зрелищами и драмами бесконечно большого, образуя интегральный синтез жизни"⁵. Поэтическое вдохновение может не иметь респондента. Оно самодостаточно. Ф.Т.Маринетти подчеркивает, что для футуриста "быть понятным вовсе не необходимо"⁶. Жизненная энергия должна восприниматься читателем, слушателем или зрителем через "скорость", "борьбу" и "натиск".

Ф.Ницше, называя себя "первым имморалистом", пытался совершить "переоценку всех ценностей". Стремясь преодолеть "противоестественность" христианской морали, он создает образ "сверхчеловека", ожидаемый приход которого, по мысли философа, ознаменует возвращение миру его изначального смысла, установление "царства человека на земле", ведь он сам, "сверхчеловек", телеологичен по своей сути. Ницшеанское понятие абсолютно и в то же время освобождено от конкретного содержания. Смысл бытия — "сверхчеловек", и он же — новая ступень эволюции, поскольку "человек есть то, что должно превзойти <...>

Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя, а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека?

Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека"⁷.

В противоположность "последнему человеку" "сверхчеловек" не может быть продуктом устоявшейся христианской культуры. Он будет рожден и воспитан "вышними людьми", теми, кто уже совершил "превращение своего духа", обретя "львиную" природу, создающими себе свободу творить новые ценности. Утверждать эти новые ценности суждено уже "сверхчеловеку", обустроивающему свой мир. "Сверхчеловек" не может быть по своей природе добр, "ибо добрые — не могут *созидать*... — они распинают того, кто пишет новые ценности на новых скрижалях, они приносят себе в жертву будущее — они распинают все человеческое будущее! Добрые — были всегда началом конца"⁸. Ф.Ницше убежден: "Кто должен быть творцом в добре и зле... тот должен быть сперва разрушителем, разбивающим ценности.

*Так принадлежит высшее зло к высшему благу, а это благо есть творческое*⁹.

Провозглашая превосходство совершенной машины над человеком, Ф.Т.Маринетти убежден, что необходимо развенчать миф о Homo sapiens как венце природы. Его идеал — это “умноженный человек”, в котором не осталось ничего человеческого. Ф.Т.Маринетти больше не устраивают фантазии о гуманистическом прогрессе, это уже пройденный этап: “Мы мечтаем о создании нечеловеческого типа, у которого будут уничтожены моральные страдания, доброта, нежность и любовь, единственные яды, отравляющие неистощимую жизненную энергию, единственные прерыватели нашего могучего физиологического электричества... В тот день, когда человеку станет возможно экстериоризовать свою волю, так что она будет продолжаться вне его как огромная невидимая рука, Мечта и желание, ныне пустые слова, приобретут верховную власть над укрощенным пространством и временем.

Нечеловеческий и механический тип, построенный для вездесущей скорости, естественно, будет жестоким, всеведущим и воинственным. Он будет наделен неожиданными органами, приспособленными к потребностям окружающей среды, состоящей из непрерывных столкновений”¹⁰.

Русский футуризм, как и итальянский, начался в истинно ницшеанском стиле — с нигилизма. Вслед за ним последовал период “избирательного умалчивания” наследия, доставшегося новым поэтам от предшественников. Указывая на несостоятельность большинства из предлагавшихся ранее подходов к слову и творчеству вообще, русские кубофутуристы пытались, зачастую без особого успеха, разработать собственные самобытные идеи. Однако среди них заметно выделяется фигура В.Хлебникова, поэта-новатора, создавшего неординарную поэтическую систему, фундированную глубинными философскими основаниями.

Поэт-“будетлянин” высказывает идеи, созвучные ницшеанской концепции “вечного возвращения”. И тот и другой указывают на неизбежность воспроизводства одних и тех же форм жизни и опыта. Согласно Ф.Ницше, “все вещи вечно возвращаются и мы сами вместе с ними... Мы существовали бесконечное число раз и все вещи вместе с нами... Существует великий год становления, чудовищно великий год: он должен, подобно песочным часам, вечно сызнова поворачиваться, чтобы течь сызнова... Все эти годы похожи сами на себя, в большом и малом, — так что и мы сами, в каждый великий год, похожи сами на себя, в большом и малом”¹¹. В.Хлебников идет дальше: “Не события управляют временем, а время ими”¹². Это означает, что события, мысли, настроения и желания подчинены определенным законам исторического времени, повторяясь в судьбах людей, народов или государств строго через определенные интервалы. И тогда: “Мы часто ощущаем, проходя тот или иной шаг по мостовой судьбы, что сейчас мы все, всем народом спускаемся в какой-то овраг, идем книзу, а сейчас взлетаем вверх, точно на качелях, и какая-то рука без усилия перенесет нас на гору. <...> В пору подъема народам свойственно свое настоящее продолжать по касательной к кривой рока в будущее. Это источник самообманов и разочарований, смешных до жестокого. Время упадка напоминает, что касательная не передает своенравной природы кривой”¹³. Каждую конкретную судьбу одновременно определяют несколько законов исторического времени, так что ситуация может вообще оказаться не поддающейся никакому анализу, а выход из нее — непредсказуемым.

“Сверхчеловек” для В.Хлебникова — это прежде всего универсальный субъект познания, “зачеловек” (от слова “заумь”, “запредельное”). Этот образ часто используется поэтом для опробирования своих наукообразных гипотез. “Сверхчеловек” есть абстрактная модель абсолютного существа: “Назовем существом А то, которое к прошлым и будущим векам человечества относится как к пространству и шагает по нашим столетиям, как по мостовой.

Его душа будет мнимой по отношению к нашей и его время дает прямой угол по отношению к нашему.

Существо В то, которому наше малое кажется большим и великое — малым: в главном уравнении мира у него будет отрицательный показатель степени, если у нас положительный.

Вселенная будет казаться ему пылинкой водорода, а пылинка — вселенной... Ему будут присущи те начала, которыми сделана вселенная”¹⁴. Этот “зачеловек” а priori воспринимает мир таковым, как он есть, а не через язык и установленные в нем “гештальты”.

Ф.Ницше полагал, что язык с необходимостью искажает реальность, поскольку он исторически складывался из слов-метафор, первоначальный смысл которых в скором времени заслонялся вторым, коммуникативным смыслом, а сами слова-метафоры обретали противоположные им значения. Человеческое мышление а posteriori не способно пробиться сквозь их завесу.

Схоже размышляет и В.Хлебников, обнаруживая тем не менее в процессе исследования, что первосмыслы, скрытые в языке, можно частично реконструировать, изучая телеологические функции согласных фонем, калькирующие объективную действительность.

Современное человечество, по мысли поэта, может постепенно стать неким подобием "зачеловека". Для этого ему необходимо превратиться в "божественное человечество". Первые шаги в этом направлении обществом уже сделаны: "Точное изучение времени приводит к раздвоению человечества, так как собрание свойств, приписывавшихся ранее божествам, допускается изучением самого себя, а такое изучение и есть не что иное, как человечество, верующее в человечество"¹⁵.

Если для Ф.Ницше "Бог мертв; из-за сострадания своего к людям умер Бог"¹⁶, то для В.Хлебникова соответственно "Бог умер, когда люди научились сами быть богами". Знание законов исторического времени раскроет перед человечеством смысл истории, знание скрытых языковых смыслов позволит "вслушаться" в "Голос Вселенной"... Поскольку законы исторического времени едины как для отдельного человека, так и для конкретного государства, ученый будущего сможет легко предсказывать собственную судьбу; а если каждый человек будущего станет ученым и скоординирует свои усилия с другими, то, возможно, полагает В.Хлебников, не только окончательное освоение времени, но и полная победа над ним, подчинение его единой воле "божественного человечества". Поскольку в будущем законодательство будет носить обязательный характер, "будетлянин" пытается предсказать пути становления общества будущего параллельно процессу формирования новой по типу нравственности "божественного человечества", достигшего неизмеримо высокой ступени развития.

Естественно, проблема "сверхчеловека" не была и не могла быть полностью исчерпана в традициях итальянского и русского футуризма. Некоторые из концептуальных рассуждений футуристов были развиты впоследствии в литературной практике 1970–1990 гг. на основе нового, постмодернистского истолкования данного понятия.

¹ Ницше Ф. Соч. В 2 т. М., 1990. Т.2. С.144.

² Маринетти Ф. Т. Футуризм. СПб., 1914. С.22.

³ Ницше Ф. Указ. соч. С.82.

⁴ Маринетти Ф. Т. Футуризм. С.156.

⁵ Там же. С.175.

⁶ Там же. С.157.

⁷ Ницше Ф. Указ.соч. С.8.

⁸ Там же. С.765.

⁹ Там же. С.763.

¹⁰ Маринетти Ф. Т. Футуризм. С.74.

¹¹ Ницше Ф. Указ.соч. С.160.

¹² Российский государственный архив литературы и искусства. Ф.527, оп.1, ед.хр.73, л.6.

¹³ Хлебников В. Отрывок из "Досок судьбы". М., 1922. С.22.

¹⁴ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф.527, оп.1, ед.хр.70, л.25 об.

¹⁵ Хлебников В. Творения. М., 1986. С.604.

¹⁶ Ницше Ф. Указ.соч. С.64.

С.Л. ЛОГВИНОВ

ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ АЛЬФРЕДА ШЮЦА

Проблема рациональности давно является предметом философских исследований и обсуждений. Латинское происхождение этого термина (от ratio — разум) указывает на его существенную связь с тем, что понималось в истории философии под разумом, и, следовательно, эксплицирует возможные его содержания. В зависимости от интерпретации онтологического статуса разума (разум — в вещах, в мире; разум — в существах, наделенных сознанием) рациональность могла совпадать со сферой природной упорядоченности или со сферой концептуально-дискурсивного мышления. В качестве примера, иллюст-